

ГАБИТУС – ОПРЕДЕМЧЕННОЕ МЕНТАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. А. Радугина

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Поступила в редакцию 12 марта 2014 г.

Аннотация: в данной статье автор на основе философского переосмысления социологической концепции габитуса П. Бурдьё стремится раскрыть роль габитуса как опредмеченной формы бытия культуры в социальном взаимодействии и группообразовательном процессе. В ходе анализа концепции П. Бурдьё автор формулирует онтологическое и психологическое основание социологической категории «социальный статус».

Ключевые слова: габитус, ментальность, бессознательное, установка, социальный статус, инкорпорация, опредмечивание, распредмечивание, группообразовательный процесс, интериоризация, экстериоризация.

Abstract: in this article the author seeks to uncover the role of habitus as objectified forms of being of culture in the social interaction in the gruppeducated process on the basis of philosophical rethinking of the sociological conception of Bourdieu's habitus. In the analysis of the Bourdieu's conception the author forms the ontological and psychological basis of sociological categories of «social status».

Key words: habitus, mentality, unconscious, setting, social status, incorporation, objectification, raspredmechivanie, gruppeducated process, interiorization, exteriorization.

В зарубежной и отечественной социологии существует длительная традиция, отводящая решающую роль в детерминации социального поведения социально-экономическим факторам. Наряду с этим существует традиция, утверждающая, что мотивация социального поведения имеет не только социально-экономический, но и социально-психологический характер. Представители этой традиции не ограничиваются описанием закономерностей социального поведения, а пытаются ответить на вопросы: что предшествует развертыванию реального поведения и деятельности, какова глубинная мотивация поведения личности, каков механизм аккумуляции и передачи социального опыта, существуют ли какие-то ментальные структуры, обеспечивающие аккумуляцию и передачи социального опыта? По нашему мнению, для ответов на эти вопросы большими объяснительными возможностями располагает разработанная французским социологом П. Бурдьё концепция габитуса (habitus).

Как известно, в философской традиции термин «габитус» обозначал цельное осаждение опыта конкретного человека в «глубине» телесного сознания, выражающееся в системе индивидуальных телесных навыков: походке, жестикуляции, манере поведения и т.п. Французский антрополог, ученик и племянник Э. Дюркгейма М. Мосс, придал этому термину более

широкое содержание, связав его с глубинными социально-психологическими процессами, ментальностью. «Прошу Вас заметить, – писал Мосс, – что я говорю “habitus” на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это несравненно лучше, чем “привычка” (habitude), выражает “exis”, “навык” и “способность” к чему-либо в истолковании Аристотеля. Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную “память”, о которых говорится в солидных томах или небольших и знаменитых диссертациях. Эти “привычки” варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и ее способности к повторению». [1, с. 64–79.] П. Бурдьё принимает такую трактовку габитуса и активно использует ее в своей концепции, но не ограничивается такой трактовкой. По Бурдьё, габитус – это система прочных приобретенных predispositions (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления и которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мас-

терства [2, с. 175]. Иными словами, габитус – это, прежде всего, целостная система диспозиций восприятия, мышления, оценивания, классификации и действий, предназначенная функционировать как структурирующая структура. Таким образом, определяя габитус как целостную систему прочно приобретенных предрасположенностей («диспозиций восприятия, мышления, оценивания, классификации и действий»), П. Бурдьё трактует термин «диспозиция» в близком значении понятию «установка».

Известно, что в истории психологии изучение установки рассматривалось как раскрытие внутреннего механизма, побуждающего к тому или иному типу поведения. Этот внутренний механизм часто характеризовали как неосознаваемые мотивы действия или поведения, обусловленные прошлым опытом человека. Поэтому в самом общем виде установку можно представить как психическое состояние, выражающее предрасположенность субъекта к определенному типу поведения и деятельности, образу мысли и т.п., обусловленному прошлым опытом. Иными словами, установка – это своеобразная предваряющая программа деятельности и общения людей, связанная с возможностью выбора их вариантов.

С точки зрения П. Бурдьё, в понятии «габитуса» принципиально важно не только то, что он может быть представлен в качестве системы диспозиций, ментальных оснований поведения индивидов и общностей, а то, что он выполняет роль «посредника» между «социальными отношениями» и субъектами этих отношений. И эту наиболее важную социальную функцию габитус способен выполнять благодаря материально-телесной форме своего бытия. Габитус – это *инкорпорация* социального опыта индивида, главный его элемент – воплощение социальных отношений в теле агента в виде его устойчивых диспозиций определенным образом говорить, ходить, чувствовать, держать спину и т.п. Акцентируя внимание на этой характеристике габитуса, Бурдьё пишет: «Если все общества... придают такое значение внешним, казалось бы, самым незначительным деталям поведения, ухода за собой, манерам... и речи, то это потому, что, рассматривая тело как память, общества доверяют ему в конспективной и практической, т.е. мнемотехнической форме, фундаментальные принципы культурного произвола» [2, с. 197].

В концепции Бурдьё габитус как социально-психологическая предрасположенность всегда отмечена социальными условиями ее приобретения и реализации. Габитус, прежде всего, определяется своим *происхождением*. Становление габитуса как ментального основания культуры личности представляет собой многоэтапный объективно-субъективный процесс, в ходе которого на основе конкретных процессов происходят разноуровневые субъективации и объек-

тивации социальных форм и взаимопереход процессов субъективации и объективации. Первый этап этого процесса – распрямление и опредмечивание. В философской литературе при анализе становления социума, культуры распрямление трактуется как освоение социального опыта человечества, превращение предметных и духовных форм культуры в содержание внутреннего мира человека, в его собственные силы и способности, в момент живого труда и общественного отношения и нередко отождествляется с интериоризацией мира культуры. На уровне исследования процессов, развивающихся внутри социума, мы считаем необходимым развести понятия «распрямление» и «интериоризация». На данном уровне исследования, распрямление выступает как процесс, происходящий в объективном мире, а именно: в социуме как динамическом социальном пространстве на основе социального взаимодействия и отношений; а интериоризация – это психологический процесс, осуществляющийся в сознании и подсознании индивида, в сфере субъективности.

Социальное пространство, по Бурдьё, создается распределением различных видов капитала: экономического (собственность и доход), социального (принадлежность к определенным сословиям, слоям), культурного (ценности, нормы, знания, манера поведения и т.д.), символического (престиж, репутация, имя). Социальное пространство структурируется на основе различных сфер деятельности: экономики, политики, религии, образования и т.д. Эти сферы деятельности внутри социума можно понимать как особые поля социального пространства. Социальное поле Бурдьё определяет как специфическую систему объективных связей между различными позициями в социальном пространстве, находящимися в альянсе или конфликте, в конкуренции или кооперации. Поле не имеет частей, оно исключает какой-либо функционализм и отличается от подсистемы структуралистов. Каждое поле предполагает определенную игру: определенные ставки и интересы игроков, не сводимые к ставкам и интересам в других полях [3, с. 91.] В процессе социального взаимодействия и отношений в социальном пространстве на определенных социальных полях индивиды занимают различные позиции. С точки зрения социологии, социальные позиции индивидов и групп определяют их социальный статус. Статус (от лат. status – «положение», «состояние») – положение индивида, занимаемая им социальная позиция в социальной группе, или позиция группы в социальной структуре общества. На основании сказанного выше социальная структура общества предстает, прежде всего, как объективная реальность социального пространства и социальных полей, отражающая взаимодействие социальных позиций и отношений между ними.

Следует подчеркнуть, что распределение социального пространства – это активный процесс его освоения. Социальная позиция, социальный статус индивида и группы не приходят сами собой. Ту или иную позицию надо завоевать, отстаивать. В процессе завоевывания и отстаивания позиции индивид должен проявить свои субъектные качества, реализовать себя как субъекта и закрепить свои субъектные качества, т.е. сформироваться как субъект, но уже на новом уровне субъектности. Это касается всех разновидностей статусов как «достигнутых», так и «предписанных». Например, в ходе карьерного роста ценой собственных усилий или по протекции человек получил новую более высокую должность, занял более высокую позицию в социальной иерархии. Однако получение более высокой должности не означает, что он «достиг» более высокого статуса, более высокая должность дает только возможность поднять статус индивида, использовать дополнительные ресурсы. Но этими ресурсами надо суметь воспользоваться, применить разум и волю, мобилизовать весь свой субъектный потенциал, чтобы в конкурентной борьбе с другими субъектами, действующими на данном социальном пространстве и соответствующих социальных полях, завоевать и отстаивать свою позицию.

Эти закономерности распространяются и на становление так называемых «предписанных» статусов. Вроде бы предписанным статусом индивид наделяется от рождения. Родился в семье графа и значит ты – по статусу граф; наследовал королевскую корону – и ты король. Однако историческая практика показывает, что само по себе социальное происхождение не гарантирует социального статуса. Сын графа, чтобы получить социальный статус графа, должен проделать большую работу по социализации в детстве и в молодости, а потом, будучи взрослым самостоятельным субъектом, завоевывать и отстаивать свое место в социальном пространстве. А наследник королевского престола, получив корону, скипетр и все другие символы королевской власти, чтобы соответствовать своему положению, должен прилагать значительные усилия. В противном случае не король будет править, а им будет управлять «свита».

Выше мы подчеркнули объективный характер результатов опредмечивания в виде социальных позиций и складывающейся на их основе социальной структуры общества. Но в то же время нельзя игнорировать и тот факт, что социальное пространство – это результат деятельности субъектов. Оно в значительной мере сконструировано ими. И, учитывая это, мы понимаем, что любая точка зрения, как показывает само это словосочетание, – это взгляд с определенной точки, т.е. с определенной позиции, в рамках социального пространства. В связи с тем, что могут

существовать различные и даже противоположные точки зрения, поскольку они зависят от точки, из которой брошен взгляд, то и представления каждого субъекта о социальном пространстве зависят от его позиции в этом пространстве, т.е. социального статуса индивида. В таком случае социальная структура общества предстает одновременно и как объективная реальность социального пространства, реальность социальных позиций и отношений между ними, и как субъективная реальность диспозиций, т.е. реальность личностного восприятия своего места в социальном пространстве и связанных с этим социальных установок. Позиции связаны с объективными различиями места индивидов в социальном пространстве. Диспозиции связаны с различиями тех объективных характеристик, которые воспринимаются как существенные (или как вообще существующие). Определенное на этом уровне исследования выступает как объективирование результатов социального взаимодействия и отношений, социальное закрепление за конкретными индивидами и образуемыми ими сообществами, социальными группами различных видов капиталов, прежде всего экономического, социального и символического.

Бурдьё неоднократно подчеркивал бессознательный характер действия габитуса. Вслед за Э. Дюркгеймом он считал, что в каждом из нас живет «вчерашний человек», поскольку настоящее лишь в незначительной мере сравнимо с прошлым, откуда мы родом и в котором мы сформировались. Мы не рефлектируем прошлое, так как оно инкорпорировано в нас, составляет наше бессознательное. Вследствие этого мы не предрасположены принимать во внимание его законные притязания на руководство нашим поведением, восприятием и т.д. И, наоборот, самые последние социальные установления мы ощущаем очень остро, поскольку они еще не превратились в наше бессознательное. С точки зрения Бурдьё, габитус «...является бессознательным в том смысле, что его генезис включает в себя амнезию этого генезиса. Габитус является бессознательным и в том смысле, что вне сознания оказываются инкорпорированные ценности, ставшие телом, – вследствие транссубстанциональности, которую производит потаенная убедительность скрытого педагогического воздействия, способного внушить целую космологию, этику, метафизику, политику с помощью столь незначительных предписаний, как, например, “держись прямо»» [2, с. 204]. В результате язык и тело индивида наводнены «кристаллизовавшимися» социальными представлениями. Поведение и отношения людей производятся габитусом «автоматически», без участия сознания, но, тем не менее, им всегда сопутствует некая доля рефлексии хотя бы в виде оценки или минимального участия, необходимого для контроля над функциони-

рованием этих автоматизмов. Это частичное осознание, колеблющееся от постоянного присутствия сознания до его постоянного отсутствия, является непременным элементом здравого смысла и помещается где-то между «естественным светом разума» и «тьмой бессознательного» [там же].

По Бурдьё, габитус – необходимая инстанция, опосредующая включение агента в социальные отношения и порождающая практики на основе двуединого процесса интериоризации/экстериоризации. Следовательно, становление габитуса как ментального основания культуры личности осуществляется в процессе формирования субъективности индивидов на основе двуединого процесса интериоризации/экстериоризации. В психологии интериоризацией (от лат. *interior* – «внутренний»; англ. *interiorization*) называется процесс превращения внешних реальных действий, свойств предметов, социальных форм общения в устойчивые внутренние качества личности через усвоение индивидом выработанных в обществе (социальных группах, общностях) норм, ценностей, верований, установок, представлений и т.д. Иными словами, интериоризация представляет собой процесс освоения и внутреннего психологически-духовного закрепления в сознании индивидов, объективированных в ходе опредмечивания форм культуры. В психоаналитической традиции интериоризация трактуется как интернализация и понимается как механизм, посредством которого объекты внешнего мира получают постоянное психическое представительство, т.е. восприятия превращаются в образы, формирующие часть нашего психического содержимого и структур. Отечественный психолог А. В. Серый полагает, что интернализация – это более сложный механизм, предполагающий сознательное и активное восприятие окружающего мира, а также активное воспроизводство принятых норм и ценностей в своей деятельности. Кроме того, интернализация подразумевает принятие на себя ответственности, интерпретацию значимых событий как результат своей собственной деятельности. На основе интериоризации осуществляется переход от внешнего, материального действия к внутреннему, идеальному. Благодаря интериоризации, психика человека приобретает способность оперировать образами предметов, которые в данный момент отсутствуют в его поле зрения. Человек выходит за рамки данного мгновения, свободно, «в уме», перемещается в прошлое и будущее, во времени и в пространстве.

В ходе интериоризации субъект как бы овладевает окружающим миром, моделирует его в своем сознании и подсознании в идеальном выражении, ибо сформированная в психике человека модель является упрощенным идеальным образом окружающего мира. Впоследствии созданная в голове человека модель мира служит основой, отталкиваясь от которой он может

выстраивать более эффективную стратегию своего существования. В этот момент запускается механизм интериоризации, под которым понимается внедрение в жизнь построенных моделей окружающего мира.

Таким образом, по Бурдьё, сущность габитуса заключается в его двойственной ипостаси, во-первых, в том, что он продукт интериоризации объективных социальных структур и, во-вторых, в том, что он необходимое индивидуальное условие их экстериоризации. Определить габитус как «место интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего» [2, с. 175] или «продукт истории, производящий практики в соответствии со схемами, порожденными историей» [там же, с. 185], все равно, что на языке науки психологии выразить мысль: габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности. В процессе интериоризации, которая есть не что иное, как практическое освоение принципов производства практик, не достигающее дискурсивного и рефлексивного уровней, индивид имитирует практики других людей; он не овладевает «рефлексивными моделями» практик, а присваивает образ действия, образцы поведения посредством как простого ознакомления и повторения чужих практик, так и посредством скрытых и/или явных, бессознательных и/или методически организованных внушений (разнообразных «педагогических воздействий») принципов, которые проявляются *практически в навязанных практиках* и/или сформулированы явно, формализованы [4, с. 62]. При всей внешней самопроизвольности имитации практик других индивидов и многообразные формы внушения представляют собой структурированные упражнения, передающие тот или иной способ действий, ту или иную точку зрения, систему диспозиций [2, с. 185]. В процессе социализации интериоризируется логика функционирования системы социальных различий, и потому интериоризировать – значит обрести способность спонтанно воспроизводить в своих действиях, поведении представления, ценности, нормы, социальные отношения, существовавшие на момент интериоризации. В этом кроется одна из основных причин, по которой наличный социальный порядок поддерживается сравнительно долго и довольно просто.

Формирование габитуса в процессе интериоризации социальных отношений осуществляется в несколько этапов процесса социализации: первичный габитус, сложившийся в семье, служит основой восприятия и усвоения опыта школьного обучения, многостороннего общения в окружающей среде и т.д.; вторичный – выступает условием и предпосылкой восприятия и оценивания информации последующих структур. Иными словами, логика интериоризации превращает габитус в хронологически упорядоченное множество социальных установок, «некую структуру определен-

ного ранга», которая уточняет границы структуры низшего ранга (генетически предшествующие) и структурирует структуры высшего «посредством структурирующего действия, оказываемого на структурированный опыт, порождающий эти структуры» [2, с.188].

Как отмечалось выше, с точки зрения Бурдьё, главное функциональное качество габитуса состоит в том, что он выполняет функцию «посредника» между «социальными отношениями» и субъектами этих отношений. И эту наиболее важную социальную функцию габитус способен выполнять благодаря материально-телесной форме своего бытия. Габитус – это опредмечивание в материально-телесной форме, инкорпорация социального опыта индивида. Опредмечивание как инкорпорация – это более фундаментальный процесс, чем экстерниоризация. Он происходит в результате первичного общекультурного распредмечивания, вторичного внутрисоциального распредмечивания, серии интериоризаций и экстерниоризаций. Его значение состоит в том, что он фиксирует в телесной предметности те культурные формы, которые появились в социальном опыте индивида в результате всех этих процессов. После закрепления в теле этой предметности происходит трансляция этой предметности на основе механизмов социального и биологического наследования. С точки зрения Бурдьё, габитус есть история, «ставшая природой», и тем самым отрицаемая в качестве таковой [2, с. 204]; это прошлое, которое продолжается в настоящем и будущем [там же, с. 206.].

По мнению Бурдьё, «будучи внутренним опытом, через который непрерывно осуществляется закон внешней необходимости, несводимой к непосредственному конъюнктурному принуждению, габитус обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в виде схем восприятия, мышления и действия, дает более убедительную гарантию тождества и постоянства практик во времени, чем все формальные правила и явным образом сформулированные нормы» [там же, с. 185]. Таким образом, габитус функционирует как порождающий механизм, способный спонтанно производить в большинстве социальных ситуаций один общий принцип поведения и отношения людей. Иначе говоря, габитус систематическим образом проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека, его схемы могут переноситься из одной сферы в другую. Систематизируя социальные практики субъектов, габитус задает им относительное внутреннее единство, нечто вроде самосогласованности, когерентности, и некий стиль.

Габитус играет важнейшую роль в формировании и конституировании социальной группы. Индивидуальные формы габитуса членов той или иной социальной группы, отличающейся от других групп условиями своей жизни, свидетельствуют об отношении гомологии. Иными словами, хотя жизненный опыт индивидов

одной группы полностью не совпадает, в частности неодинаков доступ к благам, услугам и власти, но такой опыт в пределах одной группы гораздо более гомогенен, чем между группами. Как отмечалось выше, особенности индивидуального габитуса в первую очередь определяются его социальной траекторией. Бесконечное множество комбинаций социальных детерминаций траектории индивида, несводимость временной серии позиций в социальных отношениях к другим и т.д. обеспечивает единичность габитуса. Структуры габитуса, произведенные прошлым опытом индивида, постоянно структурируют его новый опыт; в свою очередь, новый опыт трансформирует его исходные структуры. Габитус реализует уникальную интеграцию, зависящую от хронологически упорядоченного опыта, определяемого социальной траекторией индивида. Однако уникальность этих социальных траекторий относительна. Сходные траектории совершают и другие индивиды, находящиеся в аналогичных социальных ситуациях и занимающие близкие социальные позиции. Таким образом, в социальных системах формируются сходные по траекториям социальные группы «Сходным по траекториям» группам соответствует множество индивидов, которые в среднем (т.е. статистически) имеют больше шансов пережить одни и те же социальные ситуации и события в одном и том же хронологическом порядке, чем агенты, соотношенные с другой «группой по траекториям». Поэтому отношения между габитусами агентов, принадлежащих к одной социальной группе, можно представить как отношение гомологии – разнообразия в сходстве – социальных условий становления габитусов. Эта гомология выражает тот фундаментальный факт, что социальная траектория агента есть не что иное, как частный случай социальной траектории его группы, а индивидуальные габитусы представляют собой вариации группового габитуса. У агентов, обладающих одинаковым габитусом, не возникает нужды в согласовании для того, чтобы действовать аналогичным образом, например, когда речь идет о выборе супруга, профессии, формы проведения досуга и т.п. Каждый прислушивается к своему «личному вкусу», реализуя свой «индивидуальный проект», спонтанно согласуясь при этом с тысячами других агентов, которые воспринимают, оценивают, думают и действуют, как он. Конечно, коллективные практики тоже отчасти управляемы и систематизированы общими эксплицитными планами, сознательно даваемыми и получаемыми указаниями, приказами, решениями, выработанными совместно. Но в главном коллективные практики обязаны своей связанностью и единством эффекту габитуса. Именно он составляет для агентов, находящихся в сходных социальных условиях, одновременно и принцип, производящий спонтанные, классифицирующие и классифицируемые практики, и принцип классификации практик других агентов.

Существование сходных габитусов может объяснить все феномены спонтанной гармонизации практик агентов, занимающих одну и ту же социальную позицию, к примеру, ситуацию более или менее интенсивного эмоционального согласия (или несогласия), а также солидарности, которая обозначается различиями симпатия/антипатия, привлекательность/отвращение, дружба/вражда, любовь/ненависть, идентичность/отчуждение. Можно, кстати, повседневно наблюдать систематическое соответствие характеристик агентов, которые завязывают избирательные связи. Это происходит потому, что габитус позволяет агенту осознавать и спонтанно оценивать с точки зрения социальной группы личность любого другого. Таким образом, любой агент, с которым мы находимся во взаимодействии, тут же оказывается классифицированным, но не в настоящих – точных, выявленных, рациональных – социологических категориях, а в своеобразных рубриках, которые, *если* их сознательно сформулировать, могли бы выглядеть так: «Этот человек не того круга, что я»; или наоборот: «Мы из одного круга». Отношение к другому, по сути дела, есть не что иное, как коммуникация габитуса с габитусом, связь скорее практическая, нежели интеллектуально воспроизводимая. Именно из этой связи вырастает солидарность, оформляющая социальные группы.

Индивидуальные формы габитуса членов той или иной социальной группы, отличающейся от других групп, условиями своей жизни, свидетельствуют об отношении гомологии. Иными словами, хотя жизненный опыт индивидов одной группы полностью не совпадает, в частности не одинаков доступ к благам, услугам и власти, но такой опыт в пределах одной группы гораздо более гомогенен, чем между группами. Формы габитуса изменяются лишь в той мере, в какой изменяются условия существования класса или группы. Тогда в любой момент может быть структурирован новый опыт, правда, в пределах четких границ отбора, которые определяются первоначальными диспозициями.

Итак, габитус, в концепции Бурдьё, предстает как объективированное проявление глубинного уровня коллективного сознания, своего рода «психологическая оснастка» социальной общности, укорененная в подсознании, стойкая невербализованная и рационально не осознаваемая психическая структура, сформированная на основе долговременного жизненного опыта, некая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным об-

разом, область возможного для него. Эта предрасположенность проявляется в позициях, ценностных ориентациях, мировоззренческом и поведенческом стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей, языке. Иными словами, габитус, будучи ментальным основанием индивидов и общностей, трактуется как определенный поведенческий код, детерминирующий устойчивое социально-психологическое состояние субъекта, совокупность устойчивых, исторически сложившихся в достаточно большие промежутки времени социально-психологических характеристик, выражающих отношение социального субъекта к самому себе и окружающим, и обуславливающих его поведенческие реакции.

Габитус выполняет роль «посредника» между «социальными отношениями» и субъектами этих отношений. И эту наиболее важную социальную функцию он способен выполнять благодаря материально-телесной форме своего бытия. Габитус – это опредмечивание в материально-телесной форме социального опыта индивида, его инкорпорация. Становление габитуса как ментального основания культуры личности представляет собой многоэтапный объективно-субъективный процесс, в ходе которого на основе конкретных процессов происходят разноуровневые субъективации и объективации социальных форм и взаимопереход процессов субъективации и объективации. Опредмечивание как инкорпорация – это более фундаментальный процесс, чем экстерниоризация. Он происходит в результате первичного общекультурного распредмечивания, вторичного внутрисоциумного распредмечивания, серии интериоризаций и экстерниоризаций. Его значение состоит в том, что он фиксирует в телесной предметности те культурные формы, которые появились в социальном опыте индивида в результате всех этих процессов. После закрепления в теле этой предметности происходит трансляция этой предметности на основе механизмов социального и биологического наследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мосс М. Техника тела / М. Мосс // Человек. – 1993. – № 2.
2. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. – Genève : Ed. de Droz, 1972.
3. Bourdieu P. Raison pratiques. Sur la théorie de l'action. – Paris : Ed. de Seuil, 1994.
4. Bourdieu P., Passeron J.-C. La Reproduction. – Paris : Ed. de Minuit, 1970.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Радугина О. А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

E-mail: radugina@yandex.ru

Тел.: 8-950-759-10-93

Voronezh State University of Civil Engineering

Radugina O. A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Philosophy, Sociology and History Department

E-mail: radugina@yandex.ru

Tel.: 8-950-759-10-93